

Цю Юэ пробиралась по чердаку, петляя среди разноцветных камней, то прыгая влево, то вправо. Юноше не оставалось ничего другого, кроме как послушно следовать за ней, петляя и прыгая следом.

Это действительно было до крайности скучно, хуже, чем играть в дочки-матери с малолетними детьми.

Юноша всерьёз вознамерился дать драпака, смазав пятки салом, и уже планировал исподтишка огреть Цю Юэ дубиной по голове, чтобы вырубить её.

— Пришли, — Цю Юэ обернулась.

Хлоп!

Деревянная палка полетела на землю быстрее, чем юноша успел изменить выражение лица.

Цю Юэ действовала быстро и безошибочно — она яростно ущипнула юношу за щеку.

— Почему это палка летела? Ты часом не замышлял против меня какую-то гадость за моей спиной?

Лицо юноши от щелчка жутко заболело, и в душе он закипел от обиды:

— Не могла бы ты перестать вечно щипать меня за лицо? Это твоя территория, но даже если бы у меня и были воровские наклонности, смелости на такое не хватило бы.

Цю Юэ ответила предельно сухо:

— Не могла бы. Тебе лучше спрятать даже сами воровские наклонности.

Юноша пробормотал себе под нос:

— Сама же говорила, что я почётный гость семьи Цю, и вот так ты обращаешься с гостями?

Цю Юэ бросила на него взгляд и приказала:

— Повернись.

— Почему это?

Цю Юэ вновь посмотрела на него с презрением:

— Потому что эта барышня собирается открыть дверь тайной комнаты. Если ты не отвернёшься, как я её открою?

Они стояли перед гигантским валуном высотой в несколько десятков чжанов. Гладкий и сияющий, он напоминал огромнейшую ширму.

Юноша долго пялился на этот валун, едва ли не прижимаясь к нему лицом. Кроме высеченных на десятичжановой высоте строк: «Древние не видят луну наших дней, но эта луна некогда освещала древних», — он не смог разглядеть ни малейших признаков потайного механизма или скрытой двери.

Иероглифы были написаны изящным и мягким почерком, а линии текли легко и плавно, словно единый непрерывный поток.

Каждая черта, каждый штрих казались приёмами меча, доведёнными до высшего мастерства: мечник словно играючи выписал их в процессе танца с клинком. От каждого росчерка веяло убийственным холодом, и чем ближе подходил человек, тем свирепее становилось намерение убить.

Энергия меча, одновременно мягкая и мощная, создавала впечатление, будто стоять только применить такое искусство, как всё вокруг в радиусе трёх чжанов будет начисто разрушено.

Неужели в Поместье Цаньтянь существует столь мощная техника владения мечом?

Юноша невольно испытал потрясение.

— Ты повернёшься наконец или нет? — Цю Юэ уставилась на него, уперев руки в боки.

Юноша указал на валун с видом человека, потерявшего всякий вкус к жизни:

— Я просто пытаюсь разобраться. Передо мной голый валун, и где же твоя так называемая дверь?

Цю Юэ вытянула палец, едва не ткнув юношу в переносицу, и раздражённо бросила:

— В чём ты пытаешься разобраться? Это тайная мину моей семьи, ты что, замыслил недоброе?

Юноше пришлось подчиниться и повернуться спиной.

Никаких дурных замыслов у него, конечно, не было, а вот любопытство имелось в избытке. На этой голой зеркальной поверхности ширмы не было ни единой кнопки, похожей на механизм. Где же чёрт возьми находилась дверь в тайную комнату, о которой говорила Цю Юэ?

Какой же юноша без любопытства — не настоящий юноша.

Поэтому в тот самый миг, когда он отвернулся, он тут же повернулся обратно.

В то же мгновение ему показалось, будто он рухнул в крошечную тьму преисподней.

Глухая, непроглядная тьма тайной комнаты давила своей теснотой, могильным холодом и отсутствием малейшего движения воздуха.

Слышался плач призраков...

Казалось, сюда ещё никогда не ступала нога человека, но юноша чувствовал, как в углах затаились бесчисленные пары злобных глаз, которые в упор следили за ним.

Они слишком долго пробыли во тьме, словно крысы в мрачных вонючих канавах, и были преисполнены враждебности и страха ко всему незнакомому — и к людям, и к вещам.

Это место было форменной могилой.

Юношу прошиб ледяной пот, сердце подпрыгнуло к самому горлу. Он вцепился в полу одежды Цю Юэ, едва не бросаясь ей на шею.

— Отпусти! — завопила Цю Юэ. Она достала из пазухи разноцветный камень, осветив им всю каменную палату, и принялась браниться: — Ты же величайший вор под небесами! Каких только упырей и злых духов ты не видывал, чего испугался?

Да я вовсе не тот воришка Е Ханьянь, я впервые спустился с горы и сразу встретил тебя, откуда мне знать всяких упырей да злобных духов. Юноша так и рвался залепить ей затрещину, да так, чтобы Цю Юэ впечаталась в стену так, что не отскребёшь. Однако внешне он изобразил полнейшее равнодушие:

— Слишком темно, глаза ещё не привыкли.

— Хмф!

Чего это она фыркает!

Это и вправду была усыпальница, только раз в десять больше обычной. Обычная могила способна вместить один гроб, здесь же находилось двадцать шесть гробов, и в каждом покоился человек.

Двадцать шесть живых мертвецов.

Если Поместье Цаньтянь было раем, то это место — сущим адом, где обитали демоны и лежали злые духи.

Юноша тот же час опустил голову и замер, не смея раскрыть рта; на самом деле он едва не лишился чувств.

Все двадцать шесть человек в гробах были весьма необычными.

У первого отсутствовали обе руки от плеч долой, а культы давно покрылись корочкой.

У второго не было обеих ног от бёдер долой, и раны тоже успели затянуться.

Третьей была женщина. От её лица осталась лишь половина, другую же кто-то срезал мечом, обнажив черепную кость.

У четвёртого глаза были вырваны, а длинные бамбуковые палочки, вонзённые прямо в глазницы, намертво пригвоздили его к гробу.

У пятого сердце было вырезано из груди, и лишь тончайшая ниточка жизненной энергии поддерживала в нём теплицу жизни.

.....

.....

У двадцать шестого вся голова была выскоблена до состояния черепа — целого, идеального черепа.

Все эти двадцать шесть человек были неузнаваемы, оставшиеся части их тел кто-то безжалостно искромсал мечом. Истощённые донельзя, они сжались в комочки на дне гробов, а в их глазах застыли ужас, мольба и униженное, благоговейное исступление, смешанное с жаждой жизни.

Кровь в жилах юноши застыла от жуткого холода. На его месте он бы ни за что не нашёл в себе воли жить дальше и давно бы размозжил себе голову о камень.

Цю Юэ снова свирепо ущипнула его за щеку и злорадно усмехнулась — видимо, пугать людей доставляло ей величайшую радость.

Юноша был готов отдать всё, лишь бы упасть в обморок.

Но закон подлости работал безотказно: когда тебе действительно безумно хочется вырубиться, мозг на зло назло остаётся кристально чистым, причём донельзя ясным.

Разве это не удручает?

Цю Юэ спросила его:

— Ты знаешь, кто они такие?

Юноша покачал головой: он не знал и знать не хотел.

Цю Юэ, казалось, задалась целью отравить ему жизнь, и со зловещей улыбкой произнесла:

— Как это ты не знаешь?

Юноша:

— С чего бы мне их знать?

По правде говоря, он действительно понятия не имел. Кто станет интересоваться этой нечистью, похожей одновременно и на людей, и на демонов? Ему хотелось убраться отсюда хотя бы на миг.

— Ты непременно должен их знать.

Цю Юэ подошла к первому гробу, постучала по крышке и произнесла:

— У него был меч. Клинок, Рассекающий Небеса.

Услышав название оружия, несчастный затрепетал от ужаса и, судорожно задвигая обрубками ног, забился в самый хвост гроба, словно надеясь, что там будет безопаснее.

Лицо юноши переменилось.

Цю Юэ осталась крайне довольна его реакцией и рассмеялась:

— Его титул звучит так: Одним ударом расколовший небеса.

Юноша изумленно воскликнул:

— Тот самый Лу Фэйтянь, что одним ударом разрубил надвое голову главы Павильона Холодный Облаков Лэн Яня, стоявшего во главе секты Сюаньмэнь?

Цю Юэ улыбнулась:

— Я же говорила, что ты знаешь.

Удивление юноши превзошло все границы. Он шагнул вперед и некоторое время вглядывался в этого человека, но, кроме раболепного страха и искажённого ужасом лица, не нашёл в нём абсолютно ничего примечательного.

Любой практик — будь то воин, адепт мистических искусств или последователь Дао — стремится создать собственные секты и кланы, коих в сумме величали сотней сект Сюаньмэнь. После долгих лет соперничества и испытаний среди них неизменно выбирали тех, кто обладал наилучшими моральными качествами и высочайшей базой культивации, нарекая их главой всего Сюаньмэнь.

Лэн Янь, будучи главой Павильона Холодный Облаков при жизни, и являлся тем самым главой Сюаньмэнь. Тот, кого избирали лидером альянса, собственной культивацией неизменно достигал непостижимых глубин, поражая своей силой.

Пусть он и не всегда занимал первое место в списках, его по праву признавали легендарной фигурой номер один в Поднебесной.

И тем не менее, Лэн Янь пал от одного единственного удара Лу Фэйтяня, разрубившего его голову надвое. Эта весть потрясла весь мир Сюаньмэнь и подняла страшную бурю.

С тех пор Лу Фэйтянь числился в списках кровников Павильона Холодный Облаков.

А Клинок, Рассекающий Небеса стал первым в Каталоге Божественных Оружий земным клинком.

Каталог Божественных Оружий потому и звался божественным, что вошедшие в него клинки были древнейшими артефактами, оставленными богами в мире людей ещё в незапамятные эпохи. Одни из них могли призывать драконов, другие обладали несокрушимой мощью, третьи позволяли проникнуть в самую суть судеб. Все они являлись священными орудиями,

наделёнными исполинской духовной силой.

Однако Клинок, Рассекающий Небеса был выкован неизвестным мирским кузнецом. Он весил шестьдесят четыре цзиня и не имел никаких выдающихся особенностей. В Каталог Божественных Оружий он попал лишь потому, что его хозяином был Лу Фэйтянь — Тот, кто одним ударом расколол небеса.

Поэтому никто не знал, до какой именно степени дошла культивация Лу Фэйтяня. Как же этот некогда грозный Лу Фэйтянь, дрожащий ныне в гробу, дошёл до жизни такой? Ответ на этот вопрос знала, пожалуй, лишь одна Цю Юэ.

В юноше медленно пробудился интерес. Если уж этот первый узник был столь гремевшей в миру личностью, остальные наверняка тоже не были последними людьми.

Цю Юэ возбужденно затараторила:

— Мне безумно хотелось узнать, что за меч способен разрубить человеческую голову надвое, поэтому я попросила одолжить его посмотреть. Но он упёрся и зажал его обеими руками, отказавшись давать. Делать было нечего, пришлось одним взмахом меча отрубить ему руки.

Разве Лу Фэйтянь был глупцом? Разве он мог просто стоять и позволить отрубить себе руки?

Юноша чувствовал себя так, будто слушал самую нелепую сказку на свете, и скривился в презрительной усмешке.

— По правде говоря, зрелище оказалось так себе. Его меч тяжёлый-претяжёлый, я даже поднять его не смогла, а на руках у этого типа были сплошные мозоли — до того безобразные, словно их вытащили из собачьей кучи: вонючие и жёсткие. В итоге я просто швырнула этот меч в собачью будку.

Улыбка постепенно сползла с лица юноши. Тот самый владыка, что некогда дерзнул срубить голову главе Сюаньмэнь и наводил ужас на все сотни сект, теперь влачил столь жалкое существование, причём виновницей этого пала юная девушка. Если подумать, до чего же это жалко и обидно!

Охваченный горьким чувством, он указал на второго человека и спросил:

— А это кто?

Цю Юэ загадочно усмехнулась:

— О, для девушек из благородных семей он сущий кошмар.

— В каком смысле?

Цю Юэ внезапно переменялась в лице, вытащила из-за пояса хлыст и принялась со злостью хлестать несчастного, пока окончательно не выбилась из сил.

Тот лишь лежал ничком, преодолая страшную боль, и не смел даже шевельнуться.

Выпустив пар, Цю Юэ неторопливо пояснила:

— Истребитель Нефритовых Лиц Дай Яо. Специализировался на поругании незамужних девиц. Девушки, которых он растоптал, исчислялись не сотнями — тысячами! Настоящий подонок и мразь. Мало предать его смерти хоть тысячу, хоть десять тысяч раз, народный гнев не утихнет.

— Коли на свете и впрямь водились такие негодяи, то ты совершила праведное возмездие.

На словах юноша выразился гладко, но смотрел на Цю Юэ с изрядной долей благородного смущения. Смысл был более чем прозрачен: неужто она тоже оказалась среди его жертв!

Гнев Цю Юэ ещё не утих, а выражение лица юноши и вовсе разозлило её пуще прежнего. Ткнув в его нос хлыстом, она свирепо выпалила:

— Только никчемные люди позволяют себя обижать! В радиусе трёх чжанов от меня у него не было даже права приблизиться к моему телу.

Юноша от её тычков едва не задохнулся и лишь спустя долгое время выдавил:

— Ну разумеется, наша барышня Цю Юэ — просто героиня среди женщин, её боевые искусства — первые в Поднебесной, красота — первая в Поднебесной, ум — первый в Поднебесной! Какая-то там мерзость вроде Дай Яо не достойна даже подносить тебе воду для мытья ног. Но из-за чего ты тогда разозлилась?

Цю Юэ дёрганным движением смотала хлыст:

— Я злюсь на тех никчемных женщин! Когда их бьют, неужели нельзя поднять оружие и дать отпор? Кроме как хныкать от бессилия, проливать слёзы и вешаться, на что они ещё способны?

Юноша вздохнул. Простые женщины, не владеющие и каплей духовной энергии, разве могли они дать отпор практику-воину? Столкнувшись с подобным, ради сохранения доброго имени и чести семьи им оставалось лишь доказать свою чистоту смертью.

Много ли найдётся таких, как Цю Юэ, среди сотен сект Сюаньмэнь?

Цю Юэ поинтересовалась:

— Хочешь угадать, почему я отрубила ему ноги?

Юноша примерно догадывался: все ужасные увечья этих двадцати шести человек наверняка дело рук одной лишь Цю Юэ. Каким именно способом ей удалось заставить столь могущественных практиков пасть до такого состояния, оставалось загадкой, но он рассеянно протянул:

— Наверное, ты не хотела, чтобы он и дальше калечил других девушек?

— Да нет у меня такого доброго сердца, какая мне разница, живут они или умирают, — Цю Юэ покачала головой и загадочно добавила: — Просто его ноги стояли целое состояние.

Юноша удивился:

— Целое состояние?

Цю Юэ пояснила:

— Ходили слухи, будто его ноги способны преодолевать по десять тысяч ли в день. После того как он натворил дел, некий богатеи предлагал тысячу золотых только за то, чтобы выкупить эти ноги.

Юноша остолбенел!

Цю Юэ продолжила:

— Вот мне и стало интересно, что же это за ноги такие, раз стоят тысячу золотых. Но он не захотел мне их показывать, ну а я — что поделаешь? — просто отделила их от его тела.

Юноша испытал потрясение. К этому моменту он смутно догадывался, что эта юная девушка несомненно обладала какой-то невероятно мощной духовной силой — практически непобедимой.

Но как ни посмотри, Цю Юэ выглядела самой обычной невинной девчушкой, разве это не поражало воображение?

— Какая же всё-таки досада. Ни под каким углом они не выглядели способными покрывать по десять тысяч ли в день — сплошное кровавое месиво. Я и смотреть на них во второй раз не пожелала. С чего бы какому-то идиоту выкладывать тысячу золотых за эту бесформенную

грудю мяса? Поэтому я недолго думая взяла и выбросила их.

Цю Юэ продолжала непринуждённо щебетать.

Юноша посмотрел на неё:

— У меня вызывает сомнение лишь одна вещь.

— Какая?

— Человек, который бежит так быстро, как ты смогла лишить его ног?

Цю Юэ улыбнулась так радостно и воодушевленно:

— Сама не верю, что на свете бывают такие совпадения! Когда он взмыл в воздух, его фигура была настолько быстрой, что даже я не успела разглядеть — просто вспышка света, быстрее молнии. В тот день я играла в саду и вдруг решила попрактиковаться с мечом. Стоило мне вытащить клинок и взмахнуть им в небо, как раздался крик, и сверху свалилась пара ног, а следом рухнул и он сам. Ну разве не удивительное совпадение?

Она снова заливисто рассмеялась, словно рассказывала о самой заурядной встрече.

Юноша же улыбнуться не мог.

А Цю Юэ меж тем продолжала:

— Тогда меня это просто до смерти испугало: с чего бы с неба падать человеческим ногам да еще неполному человеку? К тому же этот тип начал истошно умолять меня о пощаде. Поразмыслив чуть позже, я решила: раз уж он так жаждет жить, то пусть живёт. Глянь-ка, как прекрасно он устроился теперь: целыми днями ест да спит, просто благодать!

Когда человек лишён обеих ног, но отчаянно хочет выжить, что ему остаётся делать, кроме как есть да спать?

Но когда юноша взглянул на третьего пленника, у него пропала охота даже на горькую усмешку.

То была женщина. Наполовину прекрасная — настолько, что её красота похищала души и захватывала дух, заставляя забыть обо всём на свете с первого же взгляда. Но другая её половина была ужасна: плоть на щеке полностью истлела, обнажая жуткий череп, по которому кишмя кишели полчища червей, пожирающих кости.

Стоило юноше бросить на неё взгляд, как внутренности у него сжались. Собрав остатки воли, он едва сдержал рвоту.

Цю Юэ же всю улыбалась — с самого момента входа в подземелье она пребывала в приподнятом настроении.

Юноша был готов выковырять ей глаза и как следует растоптать их ногами.

Цю Юэ окинула взглядом эту женщину и усмехнулась:

— А она была весьма знаменита. Когда-то её почитали за девушку мечты все мужчины Поднебесной.

Юноша широко раскрыл глаза, но у него больше не хватало мужества взглянуть на неё вновь. Он уж точно не припомнил, чтобы у кого-то была такая женщина мечты, скорее уж — ночной кошмар.

Цю Юэ пояснила:

— Её прозывали «Тысячеликая искусительница», а звали её Су Сюэюань. Говаривали, будто её красота превосходила небесную, нрав отличался кротостью и тишиной, а сама она воплощала все те достоинства, о которых мужчины только могут мечтать в женщине.

Юноша бросил косой взгляд и содрогнулся:

— Ты сейчас издеваешься надо мной?

Цю Юэ наградила его презрительным взглядом:

— Находились и те, кто утверждал, будто одна её улыбка способна покорить город, вторая — целое царство, а третья — всю Поднебесную.

— Ох!

Цю Юэ продолжала:

— Однажды она встала на городской стене и улыбнулась толпе внизу, так что все мужчины, женщины, старики и дети внизу лишились чувств от восторга. А в другой раз люди стекались к ней за тысячи ли, лишь бы взглянуть на её улыбку, причём добрая половина из них погибла в пути от голода и истощения.

Юноша покачал головой и вздохнул. Даже если бы Су Сюэюань не лишилась половины лица, в лучшем случае её можно было бы назвать выдающейся красавицей, но титулы вроде «покорить царство или Поднебесную» встречались разве что в балладах. У этих людей явно не просто хромал вкус — с головой было не в порядке.

Цю Юэ посмотрела на него:

— Но была у неё одна черта, доведённая до абсолютного абсурда.

— Какая же?

— Она устилала свои дороги мириадами цветов. Она была донельзя избалованной и никогда не позволяла пошлому миру осквернять её небесную чистоту. Куда бы она ни направлялась, путь устилали мириады свежих лепестков, даже спала и ела она среди цветов. А одежду её стирали исключительно росой, собранной с лепестков.

Брови юноши сошлись на переносице, выражая глубочайшее отвращение.

То ли он испытывал его к манерности Су Сюэюань, то ли к полному отсутствию у Цю Юэ пиетета перед красотой. Тихо пробормотав, он спросил:

— И чем же эта госпожа Су провинилась перед барышней Цю?

Цю Юэ рассмеялась так, будто услышала самую уморительную шутку на свете:

— Госпожа Су? Да она начала свой путь лет двадцать назад, ей нынче уже за сорок перевалило, какая же она девица?

Юноша на миг потерял дар речи, но помолчав, заметил:

— Раз это было двадцать лет назад, к тебе она и вовсе не имеет никакого отношения. Зачем же ты так с ней обошлась?

Живая, благоухающая красавица — и вдруг превращена в такое уродство. Юноша сам был мужчиной и, естественно, не мог не испытывать душевной боли.

— Просто рожа её мне разонравилась. К чему все эти притворные неземные позы? И сколько же цветочных духов она загубила ради своих прихотей! Теперь она получила по заслугам.

Цю Юэ хихикала:

— Знаешь, срезать ей лицо оказалось проще простого. Я всего лишь улыбнулась ей, как половина её лица разом исчезла, после чего она сама последовала за мной сюда.

Юноша:

— С чего бы ей идти за тобой?

Цю Юэ:

— Стыдно людям показываться, вестимо.

Юноша умолк окончательно.

<http://bllate.org/book/21826/2260527>